

Илья Доманов

июль 2024

Мой красный нос

Документальная пьеса

Пьеса написана в рамках

курса документальной драматургии Un/Told в мае-июле 2024.

От автора:

Выражаю искреннюю благодарность Хагар Хофеш, моей партнерше и подруге, а также Саре Кашелла-Капах, Даниэлю Якобсон, Ирине Горин, Мордехаю Шенвальд, Ноаму Ханука, коллегам реанимационного отделения, персоналу больницы “Барзилай” г. Ашкелона и пациентам, которые стали частью этой истории и моего исследования.

Особая благодарность Анастасии Патлай и Екатерине Бондаренко - ведущим курса документальной драматургии Un/Told за неоценимую помощь и возможность воплотить задуманное.

А также я искренне благодарю “Dream Doctors project” в котором больше 20 лет работают медицинские клоуны, в том числе и я, за возможность претворить в жизнь свою мечту.

Действующие лица:

Мистер Боба - клоун /Боба без носа / Папа

Мими - клоунесса

Сара - медсестра реанимации

Ира - пациентка реанимации

Ноам - пациент реанимации

Элина - дочь Бобы

Доктор Даниэль Якобсон - Заведующий реанимационным отделением

Мордехай - пациент реанимации

Интервью Мордехая, Сары и доктора Якобсона взяты на английском языке.

Сцена 1

Папа: Ты знаешь, кто такие клоуны? Больничные клоуны?

Элина: Это ты! Ты взял змею в больницу, чтобы пугать детей!

Папа: Да! Ты же знаешь, я все время тебя предупреждаю, что если мы заболеем или поранимся, то мы сразу поедem в больницу, где бегают клоуны со змеями и Шницелем!

Элина: Да! А давай грустить?

Папа: Давай!

Папа и Элина делают очень серьезные лица, хмурят брови, скрещивают руки на груди и пытаются не рассмеяться. Через 4 секунды оба смеются.

Элина: Давай еще раз!

Папа и Элина снова хмурят брови и пытаются быть очень серьезными. И снова через несколько секунд их разрывает от смеха.

Элина: Хочу тучку-бубучку, абракадабра!

Берет из ящика винтик с гаечкой проводит рукой над ними и говорит: Абракадабра! Тучка-бубучка!

Ничего не происходит.

Элина: Не работает!

Звук сирены.

Папа: Ура! Все быстро в мамад (укрытие)!

Элина: А почему так громко играет сирена?

Папа: Это амбуланс едет.

Элина: А почему мы тогда бежим прятаться в комнату?

Папа: Это чтобы он к нам не приехал!

Элина: Ой, а что это так грохнуло?

Папа: Это медведь пукнул!

Элина: А почему так громко?

Папа: Какой медведь, такой и пук!

Кстати, у меня есть отличная новость. Завтра тебе не нужно идти в садик! Ты целый день будешь дома рисовать и смотреть мультики!

Элина: Ура! А ты со мной поиграешь?

Папа: Сейчас мне надо на работу, а вечером обязательно что-нибудь придумаем.

Сцена 2

Боба: Привет, Ммм (*неуверенно*)... Моника?

Мими: Привет, Бббб (*неуверенно*)... Бенджамин? Эй! И я не Моника!

Боба: Эй! А я не Бенджамин! У меня вообще нет имени!

Мими: Ааа, ты Ноунэйм! Джон Доу! (*John Doe*)

Боба: Представь себе! А ты?

Мими: Я всего 2 ноты - ми ми!

Боба: Мими! А я тогда 2 звука - бо ба!

Мими: Боба!

Боба: Мими!

Мими: Боба! Ты не Боба, ты бомба!

Боба: Тогда ты не Мими! Ты мамба!

Мими: Добро пожаловать в больницу Барзилай!

Боба: А сейчас я расскажу, как у нас здесь все устроено. Это дверь больницы, приёмное отделение. Сюда либо приходят ногами, либо приезжают. Отсюда уже никто не выходит.

Мими: В смысле, все здоровые идут домой через центральный вход.

Приемное отделение нашей больницы Барзилай на минус первом этаже.

Там же рентген, томография (КТ) и травма.

Боба: На нулевом этаже взрослая реанимация, там, кстати Сара работает, шварма и УЗИ.

Мими: Там же Ноам и Ира лежали...

Боба: Да, в реанимации... И Мордехай, и Янив. Давай пока не будем...

Мими: А на первом, зато кафешка “Какао”, детская реанимация, где мальчик из Газы лежал, операционные и... мостик в другой корпус, куда ракета прилетела... ладно, сейчас не про это...Помнишь, как у нас флэш-рояль сложился?

Боба: Это когда в приемном отделении оказались четверо мальчиков. С перевязанной правой ногой, порезанной левой ступней, сломанной левой и сломанной правой рукой. Причем мама мальчика с правой рукой сильно нервничала, и я стал говорить, что парни и травмы это обычное дело. Что я, когда был подростком тоже постоянно был в приемном отделении и меня знали в лицо, жали руку и спрашивали: “Ну, что в этот раз сломал, Боба? Руку или ногу?”

Мими: И когда ты спросил маму: “Скажите, в какой такой вселенной вы можете найти стекло и наступить на него, чтобы порезаться???” Вошел парень с пробитой башкой!

Боба: Та-дам!!! Флэш-Рояль!!! Да было весело... Даже мама мальчика улыбнулась...

Кстати, из “Какао” можно выйти во дворик и подышать, посидеть на солнышке и попить кофе.

Мими: А на втором этаже детское отделение и ежедневный осмотр, игровая площадка и учебный класс. А помнишь, как в детском отделении мы сыграли свадьбу?

Боба: Это когда мы заходим с тобой в палату, а там лежит мальчик на грани истерики? Рядом медсестра и его мама. И все что-то хотят от него, насели просто. А парень ни в какую не соглашается и говорит: "Я не буду менять эту повязку!». Выясняется что он спиной упал на какой-то сучок и пробил спину. Ему зашили рану, почистили все внутри. И в принципе, можно домой. Но перед этим нужно осмотреть рану и перевязать. А мальчик, которому 11 лет, на минуточку, истерит и сопротивляется - ничего нельзя сделать.

Мими: Мы такие, сразу защищать парня: «Правильно! Не хотим и не будем менять повязку! Вообще не будем! Мы никому не дадим поменять ему повязку!!»

Боба: Его мама говорит: «Если не поменяешь повязку, мы не пойдём домой. И ты останешься здесь. Он говорит: «Ну и идите домой, я сам разберусь.»

Мими: И я такая: “Вау! Классно! Давай! Целый день будем играть, в школу ходить не надо. Вау! Подрастешь – поженишься прямо здесь. Тут еще из пятнадцатой палаты девочка тоже не хочет менять повязку.

Боба: И я потом: “О! замечательная пара. Сделаем тебе классную свадьбу!”

Мими: Тут же натянули простыню над ним, спели пару свадебных песен и продолжили развивать тему. Свадебное путешествие по больнице, джакузи в корпусе реабилитации.

Боба: В какой-то момент, помнишь, останавливаемся и видим у него на лице улыбку. Он как будто вдруг увидел весь абсурд ситуации. Ну и все. Через пару минут он лежал на боку, уже не злился, а боялся и терпел, как настоящий мужчина.

Мими: Медсестра поменяла ему повязку, а мы поздравили его и сказали, что он самый крутой парень в мире. Но если он все еще хочет жениться...

Боба: Да. Второй этаж — это невропатолог и комната подарков.

Мими: Третий этаж хирургия и ортопедия. Потом там ребятки из реанимации лежали.

Боба: Ты лучше вспомни, как ты в Тель а-Шомере веселила больного.

Мими: Ааа, это когда я его минут десять развлекала, он лежал с головой одеялом укрытый, потом зашла медсестра и говорит: “Что, не улыбается? Конечно, он полчаса как умер...”

Мими: Ты лучше расскажи, как признался, что никакой ты не клоун....

Боба: Ой... Его звали, Богдан, редкое имя. Ему тогда девять лет было. Уже на входе в палату его отец - очень крупный мужчина, сразу сказал: “Богдан не любит клоунов, боится. Пожалуйста, ничего не надо”. А я уже зашел.

Богдан увидел меня и сказал настороженно: “Я боюсь клоунов.”

Я ответил, не думая: “Я не клоун. Я Боба. Мистер Боба”

Он посмотрел на меня и вдруг:” А-а, ну тогда ладно.”

Папа посмотрел на меня, на Богдана, а я уже спрашивал мальчика про школу, по компьютерные игры. Подружились, словом. В конце нашей встречи Богдан заметил: “Ты какой-то другой клоун... Я тебя не боюсь”. Ну и потом я ушел, вернулся на следующий день. Снова говорили, смеялись. Потом мы обменялись телефонами, случай исключительный, должен заметить. Прошло какое-то время и вдруг звонок. Это Богдан. Я в это время был дома. Поздоровался, спросил, как дела. Богдан такой:” Я сейчас дам трубку Лизе, она не верит, что у меня есть друг - настоящий клоун”. Потом слышу тонкий детский голос: “Алло!”

Я говорю клоунским голосом: “Привет, я мистер Боба! Я друг Богдана.” И слышу издали гордый голос: “Вот видишь! А ты не верила.”

Мими: Ой Боба, а я верю! Ты такой непобедимый, прямо ни разу не облажался!

Боба: Хочешь услышать, как я реально попал? Это была смена в больнице Асаф А-Рофе. На выходе из приёмного отделения я увидел мужчину, который отчаянно ругался с фельдшером скорой помощи. Он кричал, что его отцу плохо. Его послали сделать МРТ, но указали неверное направление. Он ругался и показывал розовую бумажку с какими-то надписями. Я подошел и просто стоял ждал, когда, наконец, тот перестанет кричать, чтобы поздороваться. Как только ему показали верное направление, мужчина замолчал. Пристально взглянул на меня. Он стоял, ну, очень близко. И одним движением - раз! И сорвал с меня нос. После чего развернулся и ушел. Видимо, делать процедуру отцу. А я стоял, окаменев на месте. Впервые кто-то пробил мой щит.

(Пауза).

Боба: Кстати, а ты помнишь, что было седьмого?

Мими: Седьмого? Какого седьмого?

Боба: Нет же, я про... Что произошло утром седьмого? Я помню, что произошло утром. Я открыл глаза, написал в Facebook: WTF. И пошел спать, потому что я... я живу в мамаре (укрепленной комнате). А что случилось с тобой? Когда ты позвонила в Барзилай?

Мими: Вечером я позвонила Галит, это старшая медсестра, чтобы узнать, что происходит. Она сказала, что это катастрофа, потому что тогда начали привозить все тела с фестиваля Новы. И люди начали приходить искать своих детей.

Боба: Я встретил их в воскресенье, я встретил их, о, фак.

Мими: Я не спрашивала, должны ли мы прийти. Но было очевидно, что это был хаос, что нам не нужно было приходить. Мы не могли прийти, потому что это было опасно даже прийти.

Боба: Да, да, для меня это было небезопасно.

Мими: Не то, что пешком, даже приехать. Потому что говорили, что в Ашкелоне тоже есть террористы, и они там были. Люди видели их из зданий, из своих домов. Они видели на пляже Ашкелона людей, террористов в поле.

Боба: Да... в воскресенье, вторая ночь тоже была страшной.

Мими: Страшной, да. А потом из новостей мы увидели разные места, где были убийства и зверства. Никто не мог поверить. Вау, мы не должны это забывать. Время идет, и мы забываем вещи, но это было.

Сцена 3

Боба без носа: 7 октября 2023 г. Фэйсбук Ильи Доманова. Израиль. Явне.

Дорогие, памятка на всякий случай

С чем нам возможно придется столкнуться:

- 1. Сильные эмоции*
- 2. Панические атаки*
- 3. Потерянность*
- 4. Страх и сильный стресс*
- 5. Подавленное состояние*

Какие техники мы используем для помощи:

Паническая атака (10–20 мин)

- 1. Обеспечиваем безопасное место, чтобы человек чувствовал себя защищено.*
- 2. Излучаем спокойствие и заботу, транслируем, что все в безопасности. Поддерживаем.*
- 3. Очень помогает физический контакт (от крепких объятий до удерживания ладони в руке). Важно, чтобы контакт был достаточно крепким, не муши-муши.*
- 4. Успокаиваем с помощью стакана холодной воды.*
- 5. Восстанавливаем дыхание. Дышим вместе. Берем руки товарища и предлагаем дышать вместе. Одновременно можем сжимать ладони поочередно левую и правую.*
- 6. Переключаем внимание с эмоций на логику. Просим вспомнить, где живет, как зовут собачку, в каком году заканчивает или хочет начать работу или учебу.*
- 7. Слюноотделение (даем конфетку)*

Сцена 4

Боба: Да. В воскресенье я пришел. Здесь был только один парень. Все были в коме. Один парень был жив. Я имею в виду, бодрствовал. И я думал, что с ним все в порядке, но на самом деле сказали, что с ним совсем не в порядке, потому что нижняя часть тела была уничтожена пулями, что-то было ужасное. А в понедельник ты пришла, верно?

Мими: В понедельник я пришла. В воскресенье меня не было. И также рядом с “Какао” было много людей в форме. Они начали организовывать процесс. И миюн был полон. Я помню, я видела кабинет травмы с кровью на полу.

Это было не... Я была как клоун, одета как клоун, но у меня не было... Я была там, но у меня не было энергии, я была в шоке. Так что я даже не... ты помнишь, ты был как... (показывает шоковое состояние)

Боба: Да, оба мы. Были как (показывает шоковое состояние).

Мими: Мы не знали, что, и как начать делать хоть что-то. Мы не могли ничего найти. Это была какая-то пустота, из-за шока. А потом люди начали спрашивать нас, и тогда мы начали реагировать. «Иди в эту палату, приходи в этот кабинет». Или просто что-то для себя. «Давайте сделаем что-то для себя в этом хаосе». Я сказала себе, как мы можем сейчас делать селфи? Ты, ты в своем уме? Это было как... вау.

Боба: Да. Я помню на третий день взял подушку блестящую, чтобы давать кому необходимо, ну, чтобы он ее помял. А в итоге, я весь день проходил эту подушку обнимая.

Да... Кстати, после этого произошло... Я помню, как это было. Я помню, я сделал. Аааах!.. Мне подарили погоны в миуне (приемном отделении). И я подошел к лысому парню, он был ответственным за армейские общественные связи. Да, тот с...

Мими: Лиор.

Боба: Точно, Лиор.

Мими: Он уже не здесь.

Боба: Его перевели. Я сказал: "Видишь, я полковник Барзилая. Видишь, у меня на погонах четыре медицинских каннабиса!" Он как начал смеяться. И он сказал мне, что смеется в первый раз с тех пор, как все началось. И я был такой: йеес! Хоть что-то сделал.

Сцена 5

Сара: Я пришла в больницу добровольно. Я позвонила своему боссу, сказала, что готова работать. Поэтому я пришла на смену ночью.

Было одиннадцать ночи. Понимаешь, в самый первый вечер я была двумя разными людьми. Я была медсестрой, сосредоточенной на очень тяжело раненых солдатах. Там были не только солдаты, но и гражданские, и полицейские со

станции Сдерот. Я была медсестрой, но в то же время и матерью, чувствующей боль всех женщин, ищущих своих детей. Я помню, как меня разрывало.

Я говорю это, потому что в ту ночь было так много людей «Джон Доу», то есть людей, не идентифицированных. Они без сознания. У них нет удостоверения личности, ты не знаешь кто они. Гражданские... И люди звонили, приезжали в больницу. Пытались открыть двери в отделение...

Телефон звонит постоянно:

У вас есть Моше Мордэхай?

У вас есть Дэвид Коэн?

У вас есть такой-то...?

Около часа ночи была просто волна людей. Ты не можешь себе представить, весь проход к отделению был полон людей. Они все хотели войти.

- Мы хотим, чтобы вы посмотрели на снимок.
- Есть ли у вас такой-то, в вашем отделении?
- Посмотрите на него, посмотрите на него.

И я совершила ошибку. Я хотела позаботиться и о них тоже. Я сказала старшей медсестре: «Смотри, слишком много людей снаружи. Мы должны позаботиться о них.»

Она ответила, что этим занимается социальный работник. «Это не наша работа».

Я чувствовала, что не могу оставить людей продолжать ждать. Ждать, чтобы узнать, их родные здесь или нет. Поэтому я решила пойти к четырем кроватям с «Джон Доу» - «Альмоним» и запомнить, как они выглядят. Фотографировать пациентов запрещено, поэтому я хотела их запомнить. Я сняла простыню в поисках татуировок. Особых татуировок на коже или шрамов. Что-то особенное о человеке, так чтобы я могла ответить тому, кто ищет кого-то.

Сцена 6

Боба: Смотри, идея документальной пьесы. Я беру некоторые интервью, собираю артефакты. Например, у меня есть фотоаппарат, и там много фотографий. И это может быть, своего рода, якорь. Я беру эту фотографию и говорю, это тот парень, его имя такое-то, такое-то. И рассказываю, что я помню. Или скажем, это интервью, что мы сейчас делаем, вместо тебя сыграет другой актер, вместо меня, какой-то тоже актер. Но, мы говорим, точно то, что происходило на интервью.

Мими: Но зачем тебе использовать то самое видео? Ты покажешь его в театре?

Боба: Репортаж Аль-джазиры, где мальчик из Газы жалуется, что его привязывали к кровати у нас в больнице и пичкали наркотиками? Я буду счастлив это сделать. Я хочу ее, историю этого мальчика, молодого из Газы... Не потому, что он... Да, он жертва. Даже если он понимал все и сделал это по своему желанию, но в любом случае он жертва. Да, возможно вначале, когда он был в коме, они привязали его к кровати. Но не потому, что он был...

Мими: Конечно. Нет, потому что они не хотели, чтобы он навредил себе.

Боба: Именно. Да, потому что это была сильная боль, такая что человек может сорвать повязку или еще что-то. Хотя Ирис сказала, что его не привязывали. И я не видел его привязанного.

Мими: В театре, ты поместишь его на...

Боба: Да, на экран выведу, да. И фотографии в том числе... Сейчас я хочу собрать как можно больше вещей. И я думаю, что это действительно важно... Это большая разница между тем, что мы тогда делали, и тем, что мы обычно делаем.

Мими: Конечно.

Боба: Мы встречаем детей, играем с ними. Но когда я говорю девочке или мальчику: "Хорошо, когда ты идешь домой?" И они говорят: "Какой дом? У меня нет уже дома." И они показывают мне фотографии. А там – «Бум!»

Сцена 7

Ноам

Окей. С чего начать Илья, я не понимаю. Признаюсь, раньше я делал это на автомате, а сегодня, когда ты просишь меня рассказать историю, мне немного труднее. Я начну с того, что я и моя жена Ноа, мы жили в кибуце Мефальсим около пяти-шести лет. Я закончил учёбу по специальности кино и телевидение в колледже Сапир. Мы познакомились с женой в кибуце. Я работаю на новостном канале i24 News, если ты знаешь. Это работа 24/7. Субботние смены обычно самые спокойные, можно смотреть фильмы, учиться. Смена начинается в семь утра. Я вышел из дома в 6:20. Обычно я отправляю сообщение своей жене, когда выхожу. В тот вечер она просила меня не идти на смену, потому что была на девятом месяце беременности. Она очень переживала, боялась, что вот-вот начнется, ведь дата родов очень близко. Я сказал ей, что всё в порядке, и, если будет нужно, я быстро вернусь.

Я поехал на работу. Ты знаешь географически этот район? Я доехал до перекрёстка Шаар а-Негев и начали падать ракеты. Я пересёк перекресток и

остановил машину. Вошёл в укрытие и отправил жене сообщение: “Душа моя, я в укрытии, я в порядке. Скоро вернусь.”

Это был напряженный момент. Там было ещё несколько человек, кажется, они возвращались с вечеринок. Через несколько минут обстрелы немного утихли, и к нам подъехала машина с солдатом внутри. Как бы пикап, машина военная патрульная. И он закричал нам: “Все, кто в укрытии, выбегайте, бегите отсюда. У кого есть машины, уезжайте из этого района!”

Я сел в машину. Нуда, понимаю, пускают ракеты... страшно, ок. Еду обратно в кибуц. Думаю, получается я поеду против трафика. Это небезопасно. Лучше доеду до Сдерота, развернусь и домой. Я поехал вперед в сторону Сдерота. Включил радио, новости, чтобы слышать какие есть предупреждения. И понимаю, что основной удар направлен в центр страны. Сейчас, я вспоминаю, что слышал выстрелы. Я слышал выстрелы... Но знаешь, ты не связываешь ситуацию вообще, ты не...

Ты просто не веришь в такой невероятный сценарий. Попробую объяснить. Ты знаешь сериал “Фауда”? Там в пятом сезоне сценаристам предложили написать что-то похожее. Прорыв забора боевиками, на машинах и потом бой, такая война... Но вот, что я тебе скажу. Они вырезали это из сценария, потому что сказали: “Нет-нет-нет, это слишком надуманно.” Это просто еще один пример. Я не думал, что есть что-то еще. Я сказал себе: “Ну хорошо, ракеты... (Это самая грустная фраза, Илья.) Да, ладно, ракеты... обычное дело. Это же нормально. Верно?”

И вот я на перекрестке на въезде в Сдерот, собираюсь повернуть налево на разворот, в сторону Мефальсим. Загорается зеленый свет, я начинаю разворот и по машине открывают огонь. Я понимаю, что в меня попали, голова думает: “Фак, фак, фак! Что здесь происходит?” В моей голове никак не связывается ракетный обстрел из Газы с тем, что кто-то ранил меня. Мысли, типа, это бандиты из... не знаю, откуда-то из Самарии. Там, бедуины... не знаю, что-то такое... Не террористы из Газы, не прорыв. Хотя, я видел их долю секунды, но... не мог себе представить.

(выдыхает)... Как только пули ударили в машину, я резко нагнулся вниз, сработал, как будто, мой механизм самозащиты. Продолжил ехать, согнувшись еще немного, пока не потерял контроль и не врезался в ограждение.

Заняло секунду, я думаю, чтобы осознать, что происходит: «Да, они ранили меня и продолжили ехать дальше в сторону Сдерота. По пути расстреляв мою машину. Что? Что это было? Меня ранили, WTF!”

Сцена 8

Боба. Ира... Ира уже была в коме.

Мими: Вау, я забыла о ней.

Боба: Да, да.

Мими: Ее муж погиб. Такая трагедия. Я заботилась о ней. Ты представляешь? Они были в машине по дороге из Беэр-Шевы. Это произошло рядом со Сдеротом на пути домой. Хотели вернуться побыстрее.

Боба: И встретили террористов. Она сидела рядом с водителем и приняла все пули на себя.

Ира: Да, Витя вел... Да, он вел за рулём. С его стороны была гора, как бы. Там не было террористов. А все вот эти мехаблим-террористы были с моей стороны. И все они были с оружием, и расстреливали людей и машины. Так получилось, что на проезжей части было две полицейские машины, которые были поставлены друг напротив друга, как бы лицом к лицу. И, как бы, типа для проверки, чтобы люди останавливались. Но возле них уже никого не было. Ну я как, я вижу, что никого нету. А машины-то останавливаются сзади, потому что они думают, что это будут проверять и всё. А так как муж у меня военный, бывший, он понял ситуацию. Он увидел этих людей, он сообразил в доли секунды, он объехал эти машины, не останавливаясь. Дал газ. А все остальные, которые были сзади нас, машины, все были расстреляны в упор.

Ну и потом я уже начала истекать кровью, потому что меня подстрелили. То есть изрешетили всю машину и несколько пуль попало в меня. Сначала было больно, я думала, что в ноги. Но потом оказалось, что это в бок. И в районе Яд Мордехай, у него останавливается машина, потому что везде пули, везде все пробито. И что делать? Он говорит, ты уже все начинала не дышать, типа. Ты и орала сначала, потом и стонала, потом без признаков... А что ему делать? Он среди леса, никаких машин, ничего, он выходит из машины и тут идут несколько солдат, но наших. А солдаты тоже не понимают, кто это, террорист Витька или не террорист. Он орет на русском, что типа жена, все, умирает, надо спасать. И на счастье, на наше счастье, какой-то ехал мужчина на машине. Ну короче, они меня запихали в эту машину и бегом в Барзилай. По дороге позвонили, что у нас раненая, едем в Барзилай. Так меня туда привезли, а там же как: много пострадавших, и там же скидывали всех, кого привезли, пока они разбирались, у кого есть документы, у кого нет документов, а я же была без документов, без ничего. А там же как, всех складывали, штабелями. То есть я уже была между трупами, то есть кто умирал, кто не умирал, в общем, это только, это только от Бога. Меня между трупов нашли и в реанимацию отправили. А он меня искал, потому что он меня отдал туда, и сидит ждет. А кто к нему подойдет? Там суматоха, там бардак.

Сцена 9

Сара: Итак, я вышла из дверей отделения в коридор, и это было будто я забралась на стул и сказала всем:

“Так, я медсестра реанимации. Мне очень жаль. Мы должны заботиться обо всех пациентах. Сейчас, в этих критических условиях, мы не можем вас провести внутрь, но я попытаюсь помочь вам.

Потом все начали спрашивать:

-У вас есть девочка?

-Есть ли у вас такой?

Поэтому я сказала: «Послушайте, у нас нет девушек».

И половина людей начала плакать, развернулась и ушла.

Потом я сказала, что у нас нет «Джинджи- рыжих».

Знаешь, есть семейная игра для детей.

Знаешь? Нет? Сейчас расскажу.

Это такие карточки разных людей, лысые, кудрявые волосы, прямые волосы, каштановые волосы. У меня и у тебя. Я загадываю карточку.

Потом ты спрашиваешь про прическу, например, и, если нет людей с такой прической – закрываешь их у себя. И дальше, методом исключений остается одна карточка.

Так и произошло. Но это было как в очень жестокой игре.

Я чувствовала себя в игре и одновременно не в игре.

Я чувствовала где-то, не в этой реальности: «Это невозможно, но я это делаю».

Я отнимаю последнюю надежду у людей, понимаешь?

И потом в конце, когда было несколько человек, которые искали мужчину 20-ного, я нашла религиозных родителей из Иерусалима. Они сказали мне, что у нас нет татуировок. Это «Хареди»- ультраортодокс.

Ок, хареди, но мне нужно было что-то еще.

И женщина сказала мне, что у него есть шрам посередине, у него порок развития.

Конечно, я запомнила. Это ведь что-то особенное.

И я сказала ей: «Смотри, у нас есть похожий человек. Вероятность того, что он ваш сын, очень высока, но, возможно, это не так. Пожалуйста, будьте осторожны,

потому что он очень тяжело ранен. Он внутри, он не интубирован. Ему делают трахеотомию.”

Сцена 10

Ира: Я помню оклемалась чуток, лежу и первая мысль: «Я не понимаю... Не понимаю... За что?»

Мне нельзя было вообще сначала ничего кушать, до и после операции. А потом только воды чуть-чуть. И потом, когда уже разрешили, я говорю: «Киска, мне кушать разрешили». И он совершенно серьёзно. Так поднимается, на лице ни одной улыбки. Садится рядом со мной на кровати: «Ну, всё... пропал Барзилай!» Я говорю, что такое? Он говорит: «Так люди ж голодными останутся. Сейчас всё пожрёшь, нахер, после операции». Или говорит: «Котёнка, что тебе принести? » Я говорю, не знаю, спроси у моей медсестры, что можно, что нельзя. Он говорит: «Ой, киска, тебе всё можно. Тебя калашников не взял, можно всё».

Ну и все, потом, когда я уже в хирургии побывала, немного восстановили меня, типа научили немножко сидеть, немножко вставать, все, выписали меня. А у меня была стома, живот был открыт, и я ходила с мешком на боку. И Витька за мной ухаживал. Это ж надо было каждый день переклеивать, все это менять, все это делать. Что-то готовить надо было, все такое.

И потом в какой-то шаббат после того, как я вышла, может через неделю.

Болит левое плечо и болит. Ну болит, у всех болит, то нога, то рука, у всех что-то болит. Потом Витя говорит, сильно болит. Сел на диван, в одну секунду так раз и упал на спину. И захрипел, как храпит вроде. И все и затих. Бегом скорую. Что случилось? То-то и то-то. Потом скорая подъехала, начали его откачивать, вот этим электричеством, что-то они делали. Потом они сказали, что как бы запустили сердце немножко на 90 оборотов, ну и пока в больнице. Потом среди ночи звонят, что типа, положение не очень хорошее, то есть очень нехорошее, и вот Моцей Шаббат (исход субботы) его забрали, а в понедельник ночью он умер. И врачи не понимают сами что. Потому что говорят: “Сердце здоровое, совершенно.” Они ему прочистили все. (кашляет) Блин, что такое? (кашляет) Все вены прочистили, все.(кашляет) Все, что можно было. Даже не делали шунтирование, потому что сказали, что сердце идеальное, сердце, все здоровое.

А теперь мне психолог, который приходит, говорит, что сегодня есть много людей, которые умирают. Совершенно здоровых. И это называется “синдром разбитого сердца”. То-есть, от того, что они увидели, то, что они пережили это все головой, у них это все от головы, наверное. Что такое? (закашливается).

Боба: Водички?

Ира: Да, передай стакан. Я потом стала задумываться, когда мне дети стали говорить. Типа, ты должна была жить ради детей, ради нас. Ты ж не знала, что папа умрет, ради папы. Я себя поймала на мысли, что когда я лежала, когда я спала еще, я не думала ни про детей, ни про мужа, ни про родственников, ни про кого совершенно. Мне главное было выжить. И потом я подумала, почему? Все ж так рассказывают, что типа ради кого-то, вот это все. Ни грамма, ни грамма мысли этой не было. Я говорю, может быть, я такой плохой человек, что только за себя как бы. Ну, это... Вот я себя поймала на мысли, что да, я ни про кого вообще не думала.

Сцена 11

Сара: Я помню, что врач пришел и сказал, что нам нужно увидеть, что с нервом все в порядке. Все, что нам нужно, это ослабить седативное средство, разбудить его, что-то объяснить, посмотреть, ответит ли он. А потом уложить его обратно.

Вы знаете, что пробуждение очень важно? Вам нужно установить контакт с пациентом. Вам нужно, чтобы пациент доверял вам, чтобы у него не случилась паническая атака. Потому что, когда тебя интубируют с таким количеством кровотечений и швов, которые пытаются закрыть открытую плоть, это опасно для больного.

Опасно иметь повышенное артериальное давление.

Когда пациент просыпается, он не знает, где находится, он ничего не понимает, он не может успокоиться, потому что не знает кто ты, он боится, и кровяное давление зашкаливает. И тогда швы, начинают снова кровоточить.

Поэтому нужно действительно завоевать доверие пациента.

Я помню, он был очень высоким. Он занимал кровать от с самой верхушки до конца, то есть 190-195, как-то так. И он был очень большим, почти во всю ширину кровати. Горилла, но такое детское личико. Так вот, как я уже говорила, у него не было половины лица. У него трахеостома. И все вокруг швы и дренажи. Но у него такие детские глаза, такие детские глаза, голубые глаза, как море. И я помню, что у нас есть маленькая ступенька. Ее можно поставить, чтобы быть немного повыше, над ним. И помню, что я опустила кровать как можно ниже. Потому что он не мог пошевелить лицом, я хотела быть перед ним. Из-за трахеостомии, новой трахеостомии, нельзя было сгибать шею. Так что я хотела быть вот так, я помню....

Ты начинаешь узнавать меня, Илья. Я очень инстинктивна.

Я делаю вещи в начале очень эмоционально.

И порой, я могу себе сказать: «Ок, возможно это было нехорошо, что я так поступила».

Но моя интуиция быстрее, чем мой мозг.

И когда я встала на ступеньку и была над ним, я вспомнила про родителей, потому что они были в поле моего зрения.

А потом он посмотрел мне в глаза, и я начала с ним разговаривать.

И я сказала ему: «Ты должен быть со мной. Твоя мама здесь, но, пожалуйста, выслушай меня. Ты солдат. Я скажу тебе, что нужно сделать. Твоя мама здесь.»
Мамочка, подай голос.

И она: “Бен шели, ани охевет отха! Ани по! Ани каров! Мой сыночек, я тебя люблю, я здесь, я рядом!”

И тогда он начал плакать, и мама заплакала. Потому что он уже был в сознании, он с нами.

И тогда я сказала ему: “Ты должен быть солдатом. Дышать нужно очень медленно. Нам нужно что-то сделать в течение двух минут. А потом мы тебя снова положим спать. Я знаю, что тебе очень больно. Тебе будет еще больнее, я дам больше морфина, как только мы закончим, но это очень важно.”

Потому что он делал так. Он пытался показать руками. Ты знаешь, он был привязан. И доктор сказал мне, не отвязывай. Я ответила ему, что знаю, что он хочет сделать.

- Верьте мне. Молчите и доверьтесь мне.

Я отвязала руки и сказала ему: «Ты хочешь показать мне, верно?»

И он мне ответил утвердительно не всем лицом, а глазами.

И он сделал движение такое, рядом с лицом. И я сказала ему: “Кэн, этпоец леха пэ. Аваль ата беседер. Аколь, ешь аколь. Рак ше ешь тфирот. Анахну метаплим ба тфирот, ата метапель ве лихьот рагуа. Вэ аем бемет ху хатих, ху нимца шикум.”

(Да, тебе взорвало рот. Но с тобой все хорошо. Все на месте. Только есть швы. Мы о них позаботимся, ты поправишься и заживешь обычной жизнью.)

Сейчас он на самом деле красавчик. На реабилитации.

Кицур, зэ хая микре. (Ну вот, вкратце, вот такой случай)

Мне удалось найти одну семью. По крайней мере, одну, в ту ужасную ночь.

Сцена 12

Ноам: В Барзилае я был на искусственной вентиляции лёгких. И первый человек, с которым я встретился, была Мими. Мими сказала мне, что будто первая фраза, которую я ей сказал это «не смотри, не смотри на меня». У меня были какие-то сны, видения. Я был уверен, что в больнице уже террористы. Потом я увидел клоунессу.

Боба: Я помню, я был рядом. Стоял немного в стороне. Вы говорили о песнях, которые ты хочешь услышать.

Ноам: Да, я видел тебя с гитарой. И она говорит мне, ладно, споем Radiohead “Creep”. В тот момент я как бы уже что-то помнил. И после того, как она спела, она вышла и спросила в комнате ожидания: «Кто родители Ноама? Тогда мой отец подошёл и сказал: «Я, что такое?»»

- Ой, какой у вас замечательный сын! Мы только что говорили с ним...

И мой отец сказал: «Мой сын? Вы уверены?» Они не знали, что я проснулся. Насколько я понял, они пытались разбудить меня несколько раз, и эти попытки были наполовину успешными. Как будто я реагировал, но ещё был в кошмарах. И она сказала: «Да, я сейчас говорила с ним, мы пели вместе. Я уверена.» И тогда мой отец сообщил всем. Моей жене, моей матери и так далее. А моя жена в то время была в больнице.

Так вот, это было. Это можно назвать историей пробуждения.

Сцена 13

Сара: Мы не могли, черт возьми, усыпить его. Это было... Позднее утро восьмого октября. Его звали Янив. И все, что мы знали в то время, что он... «китат коненут» - отряд самообороны. Он не спал. Он все время бодрствовал. Ок, можно дать дормикум и пропофол, дать морфина и фентанина против сильной боли. Но я не знаю почему он больше не испытывал боли, но не спал.

Мы поняли в чем проблема только через два дня. Мы были с ним, вместе с еще одной медсестрой, Олей. Нам нужно было разбудить его, чтобы он смог поесть.

Когда мы начинали его пробуждение, я сказала: “Янив, все хорошо, ты в больнице.”

Он посмотрел на меня, но его глаза не остановились, его взгляд прошел сквозь меня. Он на что-то смотрел позади меня. Я не поняла. Он меня не видел.

И ты знаешь, что он попытался сделать? У него были руки в каркасе наружной фиксации. Он посмотрел на меня, поднял руки в этих каркасах, как будто у него в руках все еще автомат, и нажал на курок, чтобы застрелить меня.

Я сказала ему: «Нет, нет, нет, вы в Барзилае, а сама добавляю пропофола, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, с вами все в порядке!»

Он пытался поднять руки и ткани снова стали кровоточить из-за давления. Я дала ему очень много пропофола, почти опасную дозу. И когда он наконец заснул, я вернулась к Ольге и увидела ее на полу, плачущую. Я тоже плакала. И сказала : «Я не знаю, как мы будем выживать, но у нас нет выбора».

Потом мы умоляли психиатра прийти и рассказать, как мы лечим пациентов отделения интенсивной терапии с ПТСР - пост травмой.

Мы не знаем, как это делать! И они сказали нам: «Нечего делать. Давай то, что обычно. Их разум все еще там. У них уйдет не менее двух-трех дней чтобы вернуться из прошлого в настоящее время. Даже не пытайтесь. Это бесполезно.

Мы говорили им: «Вы в больнице», а они все еще сражались... Янив все еще вел бой. А Ноам слышал крики и автоматные очереди, потому что он все еще был в машине, на обочине дороги. Он сказал мне: «Я слышу джипы террористов, проезжающих рядом, и истекаю кровью».

Сцена 14

Ноам: Я думаю, что Мими приходила ко мне каждый день после этого. Я хочу сказать тебе кое-что важное. В плане психологического состояния, в котором я был тогда. Это может быть было связано с воздействием, чего мне там вводили, болеутоляющее...Но чувства были очень, очень сильными. Через край просто. И наша связь с Мими. Я бы сказал, что это было что-то особенное. В тот день я помню, что уже сидел на кресле. Потом Мими пришла. Мы сидели и разговаривали, начали петь. Это было забавно, я сказал ей, что у меня есть друг, музыкант, Давид Коэн, давай попробуем спеть что-то такое его. Она сказала: “Давид Коэн, звучит как будто это учитель математики.” А я учитель математики тоже, на самом деле.

И просто у меня есть картинка, которая мне запомнилась. Я говорю снова о Барзилай. Если сейчас у меня изменения происходят, не каждый день, а раз в неделю я чувствую улучшение. То тогда я чувствовал, что каждый день... Там был период, когда каждый день прямо видно было улучшение в сумасшедшем темпе.

Боба: Да. Я помню... После нашей песни “Сгеер” ты сказал: «Можешь спеть песню с моей свадьбы?»

Ноам: Да. Это песня Мати Каспи. Подожди, я скажу тебе. Подожди, вдруг забыл. «Нерушимый союз». «Брит Олям» Мати Каспи.

Боба: Да. Да, а потом ты помнишь, что вся семья пришла с гитарами, и мы пели песни для тебя.

Ноам: Там было много вещей. Слушай, я действительно помню много людей с гитарами. Я снова говорю, мой опыт там был очень... это было очень, очень эмоционально в Барзилай.

Боба: Скажи, скажи, когда Рои родился?

Ноам: Рои родился на следующий день после того, как меня перевели из Барзилая в Шаарей Цедек.

Боба: Да, потому что мы и все врачи говорили: «Ура! У Ноама родился сын! Все хорошо!» Да.

Ноам: То есть, как это называется? Рои родился 18 октября. Кстати, тоже 18 октября это день моей свадьбы с Ноа. Как всё связано, всё так соединяется. Потом меня перевели оттуда в Хадасса Эйн-Керем (Больница в Иерусалиме). И там уже Роза, другая клоунесса, сопровождала меня, сопровождала меня с гитарой. Когда я переезжал в другую больницу они сделали мне церемонию, и когда меня выносили из больницы на носилках, все стояли и аплодировали. Роза сопровождала меня с гитарой до амбуланса.

Сцена 15

Папа и Элина.

Элина на четвереньках выползает к Папе.

Элина: Папа, у кошечки пентература! Надо ее полечить!

Папа: Ой, срочно в больницу! *(берет детский стетоскоп)*

Так, послушаем... Да, нужен сироп от кашля! Вот, пей! Лучше?

Элина: Да! И вот тут ножка болит, нужен пластырь с “Холодным сердцем”.

Папа: Давай я поцелую ножку и все пройдет. А когда меня рядом нет, можешь сама поцеловать больное место и все заживет. *(целует)*

Элина: И пластырь хочу!

Папа: Да, конечно, вот и пластырь. “Холодное сердце”, как ты любишь.

Элина: Все, кошечка поправилась, спасибо Папа. *(Идет на четвереньках и ударяется плечом, хнычет секунду, потом поворотом головы посылает воздушный поцелуй одними губами в больное место и, успокоившись шествует дальше.)*

Сцена 16

Боба: Хочу тебе показать. Помнишь, я фотографировал? У меня на фотоаппарате оказалось две фотографии.

Ира: Потому что один раз пробовал, не получилось. Что-то не вышло, закончилась пленка.

Боба: Да. У меня же не пленка была. На бумаге было... И в какой-то момент там села батарейка. И я помню, что я тебя еще фотографировал в разные дни. То есть ты сначала была вся в трубочках, а в другой раз ты уже получше. Ну да. Сейчас найду. (показываю) А?!

Ира: Ну да, обалдеть! Капец.

Боба: Знаешь, я обычный человек. Как и твой муж, как ты. Но то, с чем мы столкнулись, то есть вы просто... Витя? Витя, он просто принял самое важное решение в своей жизни, когда тебя спасал. И это был героический поступок. И так много всего было. И это невозможно удержать. Мы, клоуны, которые приходили... Нас тоже плющит, потому что это невозможно уместить в голове. Когда так много горя, это очень тяжело. Вот поэтому...

Ира: Ко мне психолог приходит каждую неделю. Приходит и говорит то-то, то-то, то-то, что-то у других там. Я все понимаю, что много людей погибло, много людей там где-то. Я говорю: "Но мне из-за **одного** человека больнее, чем за миллионы других". То есть, как это странно. Если бы **один** человек был тут, так мне было бы ну, хорошо.

Сцена 17

Боба:(Саре) Да. Знаешь, в какой-то момент я начал чувствовать, это давление. Словно начал становиться внутри как камень, как будто я больше не могу это выдерживать.

И моя борьба сейчас — это о гуманизации и дегуманизации. Это самая сильная борьба внутри меня. Особенно с мальчиком из Газы. Он был ранен в бок и в ногу. Я был в приемном отделении, когда его привезли... У него на левом боку была дыра размером с кулак.

Ирис-медсестра, сказала мне, что жалела его очень, мальчик постоянно звал ее. Он рассказал потом, что его дядя закрылся им, когда показались солдаты ЦАХАЛА.

Его совершенно правильно привезли к нам, он бы не выжил в Газе в больнице. Врачей десять им занималось одновременно. Кто-то осматривал, кто-то перевязывал, ставил капельницу. Потом были многочисленные анализы, КТ, несколько операций. Его поместили в детскую интенсивную терапию.

В тот момент, в приемном покое я видел чумазого паренька, которому было больно, он звал маму на арабском языке и был в полузабытьи. Через день я его увидел уже в палате, отмытого, под лекарствами, спящего. Ну да, паренек.

А потом, еще через пару дней, он очнулся после очередной операции, и я увидел впервые его глаза. Он не говорил. Все время молчал, все вопросы игнорировал и вел себя неприступно и оттого казался надменным. Я заглянул в его глаза и в ту же секунду почувствовал, как внутри меня что-то дрогнуло и начало таять. Я увидел перед собой ребенка, жертву обстоятельств. Он выглядел лет на пятнадцать, но арабским врачам говорил, что ему одиннадцать. Он сказал врачам, что учится в школе ХАМАСа, что у него есть обычные уроки, а также борьба. Он попросил медсестру вывезти его в кресле на улицу, во дворик. На тот момент парень уже немного передвигался. Я сказал, что возьму его и повез наружу. Там он показал куда хочет ехать, и я покатил кресло в сторону родильного отделения. Потом попытался начать разговор, задал ему пару вопросов про братьев и сестер, но он ничего не ответил. Какой-то мужчина, увидев грустного парня, подарил ему шоколадку. Во дворике, напротив родильного отделения, прогуливались молодые папы и мамы. Прошло пару военных по своим делам, и я краем глаза заметил настороженный его взгляд. И мне стало на мгновение страшно, но потом я вспомнил, что раненая нога мальчика вряд ли даст ему шанс наделать глупостей.

Позже я шел и думал, что не смогу представить у него в руках автомат. Даже если их этому учили. Я не смогу представить, что через несколько лет он будет стрелять по нашим солдатам. Перед моими глазами стоял чумазый пацан - жертва обстоятельств.

На следующий день я не обнаружил его в отделении и на мой вопрос мне рассказали, что вчера вечером он кинул в медсестру бутылку воды и ругался с Ирис, требуя больше обезболивающего.

И его в тот же день отправили обратно в Газу.

А потом мне показали видео канала Аль-Джазира, где этот мальчик говорит, что над ним жестоко издевались в больнице, привязывали к кровати и держали под

препаратами. Показал свой большой заживающий рубец на боку. И у меня опять все перевернулось...

Сцена 18

Сара: Ты знаешь, во время войны, я думаю, я рассказывала тебе это, как смешной анекдот. Одна из первых вещей, которую мамы, тети, сестры или отцы, спрашивают, когда понимают, что ситуация стабилизировалась. Они не спросят про ногу, даже если там очень тяжелое повреждение. Они не спросят про стому, знаете, про мешок для кала. Они спросят про «бульбуль», про половые органы. Они спросят, все ли цело, все ли на месте. И... как сказать, это единственное время, когда я позволяла себе улыбнуться внутри, думая о силе жизни. Потому что я знаю, что мама, спрашивая про половые органы своего сына, это не что-то сексуальное. Она думает, сможет ли мой сын когда-нибудь стать отцом. Это инстинкт выживания, продолжения цепочки.

О, вертолеты летят. Несут раненых из Газы.

... Потому что я чувствую до сих пор, неделями, которые теперь становятся очень-очень длинными, эту... Безднадежность, которая, съедает меня заживо. И когда эти мамы и тети спрашивали, я говорю себе, даже если меня не будет, будут люди, которые продолжат.

Сцена 19

Мими: Я помню, там был еще один парень. Он проснулся, когда мы пели «When I found myself in times of trouble», и я была там. И он проснулся. Он не был без сознания. Он не хотел открывать глаза. Так что я сказала ему, можешь не открывать глаза.

А он... он просто открыл глаза и сказал мне: «красивый голос». И снова закрыл.

Доктор Якобсон: Обычно я очень застенчивый в вещах, где не чувствую себя безопасно. Как врач я чувствую себя уверенно. Но с музыкой, например, я никогда не выступал публично. Был только один пациент здесь, в отделении, с которым мы играли вместе. Потому что он очень особенный человек. Экстраординарный. Он участвовал в церемонии Дня Независимости. Да. Он был просто солдат, играющий на скрипке. Я не могу понять до сих пор, как человек с почти полностью переломанной грудной клеткой может петь. С таким переломом пациенты тяжело и часто дышат и испытывают боль. Он смог играть на скрипке и хорошо петь. Это

невероятно. Мы пришли, я играл свои песни, и мы играли вместе. Не уверен, что сделаю это для другого пациента. Он был особенным. Если помнишь, Мордехай.

Мордехай: Главный врач отделения, он пришел играть для меня. Я был с трубкой в носу и со всем остальным. Перед этим доктор подошел к моей кровати, дал мне гитару и сказал: “Давай. Пой”. Это было частью протокола лечения. Они изменили его. Как я должен это сделать? Я не хочу интубироваться, я хочу спать как все, мне не нужно быть в коме. Так что действительно музыка и моя сила духа изменили мою жизнь, потому что иначе я был бы все еще в очень плохом состоянии.

И это был самый тяжелый день в моей жизни не только потому, что я был ранен. Главврач отделения интенсивной терапии пришел сказать мне, что мой лучший друг погиб. Он хотел сделать это как-то так, чтобы это было понятно и как-то мягко, не жестко. И ты пришел. И Цветок, Большой цветок.

Боба: Ааа, Мими. У нее на голове цветок подсолнуха.

Мордехай: Да. Вы пришли, и рассмешили меня, и сделали меня счастливее. Вы, ребята, помогли мне выстоять, помогли поднять мой дух. И это было очень важно для меня. Я не мог сдаться, это повлияло бы на всю ситуацию. Спасибо за то, что ты сделал. Без преувеличения. Это привело меня к тому, чтобы самому поднимать дух и делиться счастьем.

Боба: Спасибо, друг, за твои слова. Ты знаешь, ты сам привнес столько духа и силы в отделение. Я не знал, что ты играешь почти на всех инструментах.

Мордехай: После реабилитации это стало больше, чем просто играть для ребят. Это стало очень большим проектом. Меня пригласил Эден Хасон. Ты знаешь Эдена Хасона? Я почти не выезжал за границу, один раз за всю жизнь. И вдруг самолеты и сцены, которых я не знал. Когда мне предложили поехать, я сказал, что это выступление и разговоры с людьми — это моя миссия сейчас. Я поехал в США, в Италию. Это было сумасшедшее волнение. Еще Амир Дадон, Ханан Бен Ари и много других артистов. Я играл с ними. Я не знал, что происходит за пределами зала. Меня интересовали только люди и энергия на сцене. После того, как мой друг погиб, я понял, что это моя миссия - помочь людям выйти из своего маленького мира, дать что-то большее. Невозможно сейчас думать только о своих маленьких заботах и о своей работе. Как еще объяснить людям, что происходит в Израиле?

Сцена 20

Боба: Ты помнишь, как мы начали плакать? Как это случилось?

Сара: Нет.

Боба: Нет... Я думаю, это был вторник, когда я пришел к мальчику, ему было, кажется, девятнадцать лет, и он то приходил в сознание, то нет. И Мими пришла и спела ему песню, и он проснулся и сказал: "Красивый голос", и снова заснул.

Сара: Шабакник (спецподразделение Шабак) кровать семь. Парализованный ниже шеи.

Боба: Перед этим кто-то мне сказал, что он уже никогда не будет ходить. Не помню, может быть, ты.

Его мама пришла, мы начали разговаривать, и для меня это было трудно, потому что я знал, что происходит, и я вижу их лица и глаза. И Мама сказала, что завтра его день рождения, не могли бы вы спеть ему песню, "Happy Birthday". Я, конечно, спел. Я спел, конечно. Я спел. При этом я знал, и мама знала - очень серьезное ранение. Но я видел... Я видел, какими глазами мама смотрела. Эти глаза полные любви. Этот любящий взгляд невозможно передать. Вот эта любовь способна изменить мир. Я думаю, что любовь победит, и мы победим. И после этого я начал плакать.

Сара: И это был момент, когда мы обнялись втроем? Потому что я начала плакать. И ты начал плакать практически сразу, и я подумала, что это из-за меня.

Теперь ты мне это говоришь...Ты знаешь, я несколько минут думала, «я сломала клоунов, фак!» Кто я такая? «Я сломала чертовых клоунов!» Но это то, что я сказала маме, потому что она знает вас. Она знает, что есть Мими и Боба... и я сказала ей, что мы плакали. Сначала это были я и Мими, и всего несколько секунд после этого ты пришел. И я описала тебя моей маме, и я сказала ей, что ты очень высокий, 180 см, очень худой, и у тебя очень большие руки, потому что ты большой. И ты просто нас накрыл. Я не религиозна, но я почувствовала, будто ты накрыл нас талитом.

Ты знаешь, что такое талит? Знаешь, это белое покрывало... Я не хотела обидеть, я просто не знаю, сколько людей знают религию, не знают религию. В Йом-Кипур за несколько минут до завершения отцы, мужчины раскрывают свои талиты, и семья становится под ними, обычно жена и дети, и мужчины дают благословение. И потом мы слышим шофар - рог, когда мы стоим под талитом. И это конец Йом-Кипура. Это несколько минут, но очень эмоциональных. Илья, ты должен понять, мой отец не еврей, поэтому у меня никогда не было отца с талитом, делающего так. Но я почувствовала, когда ты положил свои руки на нас с Мими, почувствовала такую же защиту, которую я искала, когда была под талитом несколько раз, когда ходила в синагогу.

Сцена 21

Элина и Папа

Элина: Папа, а что это за коробочка?

Папа: Элишка, это игра “Угадай кто”. Давай сыграем.

Элина: Ну, давай. А как?

Папа: Ты загадаешь одного человека из этих пятидесяти, а я буду задавать вопросы, на которые ты будешь говорить только да или нет. А моя цель найти кого ты загадала.

Элина: Хорошо.

Папа: Тогда, начинаем. Это девочка?

Элина: Девочек нет.

Папа: Джинджи? (рыжий)

Элина: Джинджи нет.

Папа: Это парень с татуировкой?

Элина: Нет!

Папа: Может усатый?

Элина: Да!

Папа: с красным носом?

Элина: Ты угадал, папа! Да!

Конец